

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. М., 1985. 4а. В. И. Ленин, КПСС о работе с кадрами: Сб. М., 1979. 5. Шеварднадзе Э. А. Стратегия ускорения — ленинизм в действии // Известия. 1986. 23 апр. 6. Сообщение об итогах выборов в местные Советы народных депутатов // Там же. 1987. 27 июня.

Поступила в редколлегию 07.06.86

М. А. ОРЕЛ

ХАРЬКОВ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Постановка вопроса о методологической функции категорий философии в правовой сфере в современных условиях — задача первоочередной важности. Актуальность данного вопроса обусловлена задачами, выдвинутыми XXVII съездом КПСС перед правовой наукой и практикой, а также философией как теоретической, мировоззренческой и методологической основой права.

Природе и содержанию категорий — как философских, так и правовых — в философской и юридической литературе уделялось большое внимание. Отметим, что, выясняя природу категорий, необходимо руководствоваться принципом первичности объективной диалектики по отношению к субъективной. Ф. Энгельс писал: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга...» [1, т. 20, с. 526]. Исходя из этого положения, можно сказать, что категории существуют только в субъективной диалектике. В объективной же происходят процессы движения, изменения и развития, сущность которых и отражается в мышлении, понятиях и категориях. «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает» [1, т. 20, с. 20]. В таком универсальном взаимодействии существуют, наряду с бесконечным множеством разнообразных свойств и связей действительности, и всеобщие, наиболее общие свойства, стороны и связи конкретных предметов, явлений и процессов. При этом такие свойства и связи не существуют отдельно от других, а находятся в них, проявляются только через них.

Из всего бесконечного многообразия свойств и связей в пра-

вовых категориях отражаются отношения между людьми, причем не все, а только правовые. Правовые категории мы и рассматриваем как научные понятия, в которых отражается специфика правовой формы общественной жизни, зафиксированы наиболее существенные и важные стороны, свойства и связи правовых отношений в человеческом обществе. «...В теории права понятия выступают как логические формы постижения сущности правовых явлений, как отражение закономерного и особенного в правовой действительности» [3, с. 57]. В философских же категориях отражаются наиболее общие свойства и связи бытия, т. е. присущие всем предметам, явлениям и процессам действительности, которые, естественно, так или иначе проявляются и в правовых отношениях, во всей правовой жизни общества. Именно поэтому категории философии выполняют методологическую роль по отношению ко всем конкретным (в том числе и правовым) наукам, служат способом отыскания новых результатов методом движения от известного к неизвестному. Система же категорий — это структура материалистической диалектики. Поэтому, говоря о методологической роли категорий диалектики, имеем в виду методологическую роль диалектики, ибо свою методологическую функцию диалектический и исторический материализм осуществляют посредством законов и категорий.

Методологическая функция философии в правовой сфере реализуется, во-первых, в том, что она дает возможность правоведению понять общие принципы движения знаний при формировании правовых наук; во-вторых, позволяет установить значение общих законов мышления для правильного отражения и изложения правового эмпирического материала в теории с помощью выработанного понятийного аппарата юридического мышления; в-третьих, подводит к уяснению значения общих понятий права для конкретных правовых наук и оценки их как необходимых инструментов при познании правовых форм общественной жизни; в-четвертых, ориентирует на то, чтобы брать правовые явления и их мысленное отражение во взаимосвязи, в их движении и изменении, не принимать отражаемое за отображенный объект.

Методологическая функция философских категорий конкретно реализуется в процессе их воздействия на развитие познания правовых явлений и категорий, на образование последних. Известно, что образование понятий и логического аппарата вообще в определенной степени ограничивает свободу мышления, которое в своем движении так или иначе должно сообразоваться с ними. Однако такое ограничение идет на пользу мышлению, поскольку ведет к созданию научных понятий. Категории философии выполняют функцию того логического аппарата, который направляет движение мысли в правовой сфере в определенное русло, хотя в известных границах и допускает вариации ее движения.

Для теоретической и практической деятельности юристов необходимым и очень важным является знание и применение диалектики единичного и общего. Общефилософское положение о

том, что единичное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему, а общее существует лишь в отдельном (единичном) и через отдельное, полностью применимо и к правовым явлениям. «Каждое отдельное правовое явление содержит в себе предпосылки, стороны, элементы того, что образует общую сущность всех правовых явлений» [5, с. 234]. Сказанное приводит к мысли, что познать сущность права можно на основе всестороннего предварительного изучения тех основных признаков, характерных черт правовых явлений, которые присущи всей их совокупности. И наоборот, внутренняя сущность, назначение и роль каждого отдельного правового явления, закономерности его возникновения и развития могут быть познаны лишь на основе познания о б щ е й сущности права.

Методологическая функция категорий единичного и общего реализуется и в теоретической, и в практической правовой деятельности. Диалектика единичного и общего (ее правильное понимание) обязывает, в частности, в процессе расследования установить отношение противоправности и общественной опасности как общих признаков, характеризующих сущность преступления, к единичному (конкретному) преступлению; отношение умысла, которым охватываются все действия обвиняемого, к отдельным действиям; отношение всей картины происшедшего к ее частным признакам и т. п. При этом связь общего и единичного в исследовании конкретного правонарушения нельзя рассматривать в отрыве от других видов генетических связей (например, от случайности и необходимости и т. д.).

Положение о том, что каждое правовое явление представляет собой единство общего и единичного, обязывает юристов в судебно-следственной практике, применяя правовую норму к сложному случаю правонарушения, в полном соответствии с принципами социалистического правосудия строго следовать требованиям правового предписания, всесторонне и глубоко изучать совокупность условий совершения правонарушения и личность правонарушителя и на основе этого единства принимать решения, выносить приговор.

Многообразно осуществляется методологическая функция категории «причинность». Данная категория предполагает, что все явления причинно обусловлены. В соответствии с содержанием она направляет мысль на поиски причин правовых явлений, которые фиксируются в правовых категориях. При этом допускается признание бесконечного разнообразия форм причинно-следственной связи в правовых явлениях и отношениях.

Важное методологическое значение имеет философское понятие причины и условия. Как известно, под причиной в системе причинно-следственной связи понимается явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление. Условие — то, от чего зависит нечто другое, это существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью

стью следует существование данного явления. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет среду, обстановку, в которой последнее возникает, существует и развивается. Явление-причина порождает явление-следствие только в определенных условиях, которые накладывают специфический отпечаток на характер порождаемых ею явлений.

Это положение обязывает обратить внимание на следующие обстоятельства: при установлении причин противоправного действия необходимо четко определить, какие факторы являются причиной, а какие условием. Следует стремиться вычленить по возможности два соседних звена, одно из которых «причина», другое — «следствие». Ф. Энгельс писал: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1, т. 20, с. 546—547].

В литературе нередко подчеркивается причинный характер пассивных, негативных событий (условий) [7, с. 94—95], говорится о «непосредственной» и «опосредованной» причине, о причинах «первого», «второго» и даже «третьего» порядка [9, с. 25—26]. В этих утверждениях не учитывается непосредственный характер причинной связи; бинарное (двухзвенное) отношение между причиной и следствием подменяется всей причинно-следственной цепью или даже системой. Фактически происходит соединение разных причин и следствий по мере продвижения по криминогенной цепи, и затем любое из них называется причиной конечного результата — преступности или преступления.

Такое утверждение представляется неверным. Только ближайшее явление, непосредственно порождающее следствие, заслуживает того, чтобы его называть причиной. Ведь причинность, рассматриваемая в двухзвенном масштабе, всегда выражает непосредственную связь. Если *A* причина *B*, а *B* причина *C*, то далеко не всегда *A* оказывается причиной *C*. Причина бывшей причины — не причина следствия, а его условие.

Рассматривая таким образом причинно-следственную связь в правовой сфере, правомерно сделать вывод, что непосредственной причиной правонарушений является субъективный фактор: дефект психологии индивидуумов, социальных общностей и их действия. Они же могут рассматриваться как причины преступности. Если же двигаться по цепи причинно-следственной связи в обратном направлении, то будут раскрываться уже другие связи: причины «бывшей причины», но не причины конечного результата — правонарушения. Становится ясным, что причины формирования противоправной психологии выступают как условие правонарушений, а не их причины.

В судебно-следственной практике важное значение имеет положение диалектического материализма о том, что связь причины и следствия, существующая при определенных условиях, постоян-

на и не знает исключения, т. е. следствие неизбежно вытекает из причины и является только таким, каким оно есть. Это положение используется при расследовании действий, имеющих целью воспроизвести отдельные поступки преступника и обстановку событий. В каждом случае воспроизведения при надлежащем сходстве условий достигается результат, аналогичный тому, который имел место в действительности.

Диалектико-материалистическое (философское) понимание причинности дает возможность правильно классифицировать причины и условия преступности. В правовой литературе применительно к детерминации преступлений иногда допускается смешение причин и условий в двух вариантах: условия нравственного формирования личности или противоправная ситуация рассматриваются как причины; причинами преступлений в равной мере, без дифференциации, называются и собственно причины, и внешняя ситуация совершения преступления [6, с. 61—68, 198—199]. Такая позиция обоснованно подвергалась критике. В частности отмечалось, что «если разделить эту точку зрения, то следует прийти к выводу, что ситуация, поскольку она является причиной преступления, иногда действует помимо воли и сознания субъекта и даже его желания; человек в данном случае не может нести ответственность за наступление вредных последствий [2, с. 20—21; 4, с. 32].

Представляется верным суждение А. Р. Ратинова, который считает, что «непосредственные причины и истоки виновного поведения преступника всегда лежат в личности человека, совершившего преступление <...> Никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного поведения, если они не стали внутренними детерминантами человеческой деятельности. Иначе человек не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как является лишь пассивным в причинной цепочке, игрушкой в роковом сцеплении внешних сил и обстоятельств, приведших к отрицательным последствиям» [8, с. 9]. Данное мнение поддерживает и Н. А. Стручков, правильно отмечая, что непосредственные причины следует искать в сфере сознания правонарушителя, ибо «все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через голову, должны превратиться в побуждения его воли» [10, с. 29].

Если мы признаем, что непосредственную причину правонарушения (и преступления) необходимо искать в сознании и поведении правонарушителя (преступника), то, следовательно, неизбежно должны признать и то, что в самом общем виде проблема причин преступности — это проблема социальной и психологической обусловленности данного поведения. Отсюда вытекает необходимость изучения соотношения факторов, формирующих человеческую личность и ее поступки. Тот факт, что сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений, еще не означает, что каждый индивид отражает все общественные связи и отношения. Такое невозможно, поскольку каждый кон-

кретный человек включен в некоторое конкретное количество связей и является продуктом именно данной их совокупности. Этим обстоятельством объясняется появление преступности в обществе, где общественные отношения в целом не содержат условий для возникновения антисоциальных форм поведения. Индивид в силу конкретных обстоятельств может в определенный период своей жизни оказываться как бы изолированным от воздействия социально положительных отношений или, точнее, не просто от воздействия, а от участия в связях и отношениях, формирующих у него социально положительные настроения и устремления. К этому необходимо добавить, что невозможны только положительные или отрицательные связи и отношения: каждый человек вступает в обществе в самые разнообразные связи и отношения. Очевидно, что личность конкретного человека определяется содержанием и объемом тех связей и отношений, в которых он участвует.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений. М., 1973. 3. Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. 4. Волженкин Б. В. О понятии причины преступлений // Преступность и ее предупреждение. Л., 1973. 5. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. 6. Криминология/Отв. ред. В. К. Звирбуль. М., 1979. 7. Кудрявцев В. Н. Причинная связь в правовой сфере // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. 8. Ратинов А. Р. Психологическое изучение личности преступника. М., 1967. 9. Сахаров А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе // Сов. гос-во и право. 1976. № 9. 10. Стручков Н. А. Преступность как социальное явление. М., 1979.

Поступила в редколлегию 16.06.86

С. Ф. ВАКУЛЕНКО

ХАРЬКОВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В условиях совершенствования социалистического общества, когда ускорение социально-экономического развития страны является стратегическим курсом КПСС, к механизмам правового и морального регулирования общественных отношений предъявляются особо высокие требования. Как показывает социальный опыт, оба механизма диалектически взаимосвязаны, взаимодействуют и проникают друг в друга, создавая условия для нравственного и правового обновления советского общества.

Правовое регулирование, как известно, изучается правоведением, а моральное — философией и этикой. На стыке этих отраслей возникла специфическая составная часть этики — юридическая этика как разновидность профессиональной.

Разработка проблем юридической этики началась сравнительно недавно (60-е гг.) небольшой группой ученых-философов и правоведов [4; 10]. Большинство из них профессиональную этику